

Источник: Эльяшевич А. П. Время и люди // Герои истинные и мнимые : лит.-критич. ст. / А. Эльяшевич. – Москва ; Ленинград, 1963. – С. 135-138.

Какое значительное произведение советской литературы последних лет ни взять, всюду мы сталкиваемся с обостренным, принципиальным вниманием и к *среде*, и к *быту*, и к *обстановке*, в которой протекает действие. Попробуйте себе представить вне этих тенденций, к примеру, роман В. Кожевникова «Заре навстречу», с его поистине удивительной панорамой общественных связей и отношений, или эпопею В. Закруткина «Сотворение мира», полную зримых деталей и бытовых подробностей, или роман Г. Николаевой «Битва в пути», привлекательный не только яркостью характеров, но и тонкой наблюдательностью, остротой писательского зрения, запечатлевшего картины народного быта, или все творчество В. Тендрякова.

На повести В. Тендрякова «Чудотворная» хотелось бы остановиться особо.

Отличительная черта В. Тендрякова — постоянный интерес к тем сторонам жизни, которые зачастую обходятся вниманием в литературе. Место действия его произведений всегда географически удалено от больших городов и областных центров. Писателя настойчиво привлекает к себе «глубинка», заштатные городки, отрезанные от мира села, маленькие полузабытые деревеньки, третьестепенные колхозы и т. д. Здесь еще сохранились дедовские обычаи и порядки, велика сила старого кондового быта, пережитков прошлого.

Там, где ослабевают общественный контроль, там, где возникают благоприятные условия, старое, отжившее как будто, давно уничтоженное и сметенное вновь приобретает уверенную поступь. Эта мысль, остро про-

звучавшая в повести «Не ко двору», выступила в «Чудотворной» в новом обличье.

Крещение детей, пьянство в престольные праздники, венчание в церквах и другие случаи сохранения церковных обрядов, особенно в медвежьих углах и в далеко отстоящих от столиц районах, — явное свидетельство ослабления нашего внимания к борьбе с религией. Но в момент, когда В. Тендряков обратился к антирелигиозной теме, она казалась совсем не боевой, утратившей свое былое значение. Одним из первых в послевоенные годы писатель вернул ей актуальность.

Еще случается в нашей жизни, что мертвые хватают живых. Об этом повесть В. Тендрякова свидетельствует с достаточной убедительностью. Чудотворная икона, случайно найденная Родькой, становится для мальчугана источником самых неожиданных бед и злоключений. Он попадает в самый центр столкновения сил нового со старым и едва не оказывается жертвой в их жестокой схватке.

Давно отзвонила в селе Гумнищи церковь. Но стоит до сих пор среди болота не для жилья, не для посиделок, не для людского веселья памятник темной веры, памятник навсегда ушедшим векам, замшелому прошлому. Еще в 1929 году последнего из попов отправили в Соловки за кулацкую агитацию. Храм закрыли, имущество конфисковали, а колокол, к великому негодованию старух, оттянули веревками на землю. И он, когда-то гудевший на всю округу, охнув в последний раз, развалился. Сколько лет прошло с той поры, сколько воды утекло, но религиозные предрассудки все еще тлеют в Гумнищах, в этом маленьком невзрачном сельце, которых раскидано так много на необозримых просторах страны.

Разоблачая корни религиозных пережитков в деревне, В. Тендряков в то же время метко и колоритно рисует образ церковнослужителя в его современном, так сказать, модернизированном обличье. Отец Дмитрий — вежливый, добродушный старичок. Он держится со скромным достоинством, ведь он не какой-нибудь там ловкач или пьяница. У него своя философия, свой взгляд на вещи. Он борется за справедливость как может. Не то чтобы он уж очень верил в Христа, но ему приятно пробуждать его именем в людях добрые чувства. Не

все ли равно, в конце концов, рассуждает отец Дмитрий, чем склонить людей к добру: «Пусть люди пахут землю, строят заводы, рожают детей и живут в страхе перед богом, великим и справедливым, который не допустит зла».

Исторической конкретности исполнены в этом произведении не только характеры отца Дмитрия, Варвары и других персонажей, но и все детали, рисующие жизнь обитателей села Гумнищи. Описания среды и обстановки действия, вещей, окружающих героев, стиля их жизни, привычек и занятий, как всегда в творчестве В. Тендрякова, играют чрезвычайно важную роль.

Изба Варвары, райком, опустевший в дни весеннего сева, раннее утро на сельской улице, маленькая, оклеенная веселыми обоями комната Парасковьи Петровны — все эти талантливо выписанные жанровые картинки и зарисовки надолго остаются в памяти читателей.

Исключительно выразительна у В. Тендрякова деталь. Вот икона, та самая, что принесла Родьке столько неприятностей: «Родька с разочарованием и недоумением ее разглядывал, поворачивал перед собою то на одну, то на другую сторону. На прокопченно-грязной стороне он разглядел два глазных белка: на доске кто-то был нарисован. Спустившись к воде, Родька старательно вымыл доску ладонью. Доска мокро заблестела, но темные краски от этого проступили лишь чуть-чуть отчетливее. По-прежнему не столько сами черные глаза, сколько белые глазные яблоки с какой-то угрюмой нелюдимостью уставились мимо Родьки».

И эти страшные белые глазные яблоки на черной доске, от взгляда которых трудно уйти и забыться, постепенно становятся в повести символом той, непонятной для Родьки, чужой жизни, в которую его втянули неожиданные события.

Образ главного героя — белоголового мальчишки Родьки — тесно слит в повести с картинами чудесной русской природы и был бы непонятен и неполон без них. Вот Родька в половодье идет на речку удить рыбу, вот он в дни зрелой поры весны убегает в луга, ловит матерых, перезимовавших лягушек, черпает в пригоршни мутновато-прозрачную лягушечью икру, лазает на березы «щупать» галочки яйца, радуется свежему ве-

терку, купается в холодной до ломоты воде, сохранившей запах растаявшего снега, жмурится на солнце, любуется вечерней зарей и прислушивается к зябкой и сторожкой тишине темной ночи. Цельный, чистый и честный маленький Родька никогда не поймет старую Грачиху, никогда не поверит проповедям отца Дмитрия. За его неподкупную, ясную душу стоит сражаться. Его нельзя отдать во власть выживших из ума старух и заплесневелых дедов, во власть отца Дмитрия.

«Бытовизм», материальная сгущенность, присущая творческой манере В. Тендрякова, не подлежат сомнению. Нам дорого это внимание писателя к реальному миру, в котором живут его герои, и мы любимся щедростью, с которой он наполняет свои страницы всем тем, что составляет особый колорит народной жизни.

Борьба нашего литературоведения против натурализма, против снижения образа советского человека, против бездумного любования деталями и подробностями быта и обстановки бесконечно далека от попыток поставить под сомнение историческую конкретность — важнейший принцип социалистического реализма, ориентировать писателей на условное, абстрактное, субъективистское отражение жизни, от попыток изъять из литературы *образ нашей действительности*. Перебирая в памяти книги последних лет, с сожалением отмечаешь, что облик этой действительности воссоздается в них еще далеко не полно, а подчас бледно и ограниченно.

Возможности исторически конкретного изображения действительности во всей ее бытовой характерности еще далеко не исчерпаны в советской литературе. Нам не приходится бояться мира, в котором мы существуем. Нам нет необходимости уходить от него ни в абстракционизм, ни в другие ирреальные течения современного западного искусства.

Мы не собираемся, подобно иным зарубежным «новаторам», преодолевать «разлагающую» власть материальных проявлений бытия. Они не враждебны нам. Мы пытаемся сделать их наиболее разумными и целесообразными для выявления всех духовных возможностей человека.

Советская литература, призванная утверждать социалистическую действительность, создавать ее поэтиче-

ский образ, не может поступиться принципом исторической конкретности типических характеров и типических обстоятельств, с развитием и укреплением которого связана вся история становления метода социалистического реализма. Разумеется, у нас еще встречаются книги, все действие которых происходит в условной, выдуманной среде, в карточных декорациях, в фальшивой обстановке, в своеобразном «вакууме», вне истории и конкретных общественных связей. Но стоит ли выдавать эти книги за одно из течений нашей литературы? Нужно, наоборот, помочь авторам подобных книг осознать, что их творчество не имеет ничего общего с реализмом.